

В круге обреченных места хватит
всем...

Автор

Глава 1

КАК КРАТОК СРОК ЗЕМНОГО ПИРА

Приезд матушки вновь пустил под откос привычный уклад жизни состоятельного холостяка. Прислуга как угрелая носилась по роскошным комнатам двухэтажного особняка с помпезными колоннами, не чая угодить столь важной и не в меру капризной особе, поэтому о спокойном отдыхе и вольготном времяпрепровождении оставалось лишь мечтать.

Качков Денис Иванович, невысокий худощавый брюнет с узким интеллигентным лицом, давно обходился без чьих-либо советов, а в контроле и опеке не нуждался вовсе. Наоборот, хлопоты вокруг собственной персоны находил пустыми и весьма вредоносными для его не на шутку расшалившейся в последнее время нервной системы. Однако, считая верхом неприличия даже самое мало-мальское недовольство излишней материнской заботой, тяготившей его, только поигрывал изящными скулами и помакивал.

Встречались они раза три-четыре за год: так было удобно обоим. Матушка навещала в Москву и словно ураган обрушивалась на сына со своими — в основном надуманными — беспокойствами. Он же навещал ее в Ницце, куда она переехала пять лет назад.

— Дэни, — журила его Зоя Сергеевна на следующий вечер, пытаясь вывести из глубокой задумчивости, ко-

торую она прежде в сыне не замечала, — мне совсем не нравится твой вид недооцененного великомученика. Будь другом, сделай лицо попроще. И сотри эту кислую ухмылку: видеть ее не могу! Ты здоров, богат. Вот и радуйся жизни! К тому же сегодня твой день рождения. И, пожалуйста, не смотри на меня, как на досадное недоразумение. Ты прекрасно знаешь, что никто так сильно не любит тебя, как я. Поэтому изволь выслушать свою мать. И понять главное: я пекусь только о твоём благополучии.

Они уединились от лишних глаз в просторном кабинете с высоким лепным потолком. Мебель светлых тонов с позолотой, массивные шторы на арочных окнах, обои с замысловатыми вензелями создавали ощущение нахождения в царских хоробах. Переполненные шкафы поражали обилием всевозможных книг разной тематики и намекали на нехилое айкью хозяина.

Элегантная до кончиков ногтей Зоя Сергеевна восседала за массивным письменным столом в старинном, напоминающем трон, кресле и походила на озабоченную делами государства королеву, принимающую ненаглядного отпрыска, будущего правителя великой империи. Она намеревалась немедленно получить ответы на все тревожащие вопросы, подозревая, что причина дурного настроения сына кроется в их слегка пошатнувшемся семейном бизнесе.

Денис уютно расположился на просторном угловом диване, игнорируя антикварные стулья с высокими спинками возле стола, тем самым тактично намекая матушке, что вести беседы на серьезные темы не намерен. Он искренне любил ее, но толковать и думать о делах именно сейчас не хотелось. Впрочем, как и вчера, и неделю назад.

Неизъяснимая тоска пожирала его изнутри, и он не видел никакой возможности от нее избавиться. Может, потому Денис решил отправиться в кругосветное путе-

шествие на роскошном круизном лайнере, прихватив с собой новую страсть, которую — кто бы ожидал от этого совсем еще юного создания — пришлось еще и уговоривать. И куда мир катится?

— Мама, я очень ценю твою заботу. Но мы можем хотя бы сегодня не говорить о делах? К тому же согласись: я давно повзрослел и тебе стоит ослабить хватку. Теперь я сам в состоянии позаботиться о себе. Равно как и о тебе.

Зоя Сергеевна, изящная и довольно хрупкая на вид кареглазая особа, благополучно пребывающая в фазе второй молодости и каким-то чудом сохраняющая великолепную стройную фигуру, принялась нервно обмахиваться веером из золотистых перьев.

Раскрасневшиеся щеки — результат пары выпитых бокалов вина — явно намекали на то, что не следовало так легкомысленно относиться к своему здоровью. Несомненно, более всего на свете Зоя Сергеевна ценила трезвую голову и незамутненное сознание, но выпить за здоровье единственного сына все же себе позволила.

— Вчера и сегодня с утра я побывала в офисе и просмотрела документы. Даже враг не смог бы проделать более чудовищной брешки в капитале, какой удалось тебе, дорогой. Особенно за последние три месяца. Ты так спешишь насладиться жизнью, словно тебе осталось жить всего ничего... Господи, прости меня, грешную, за такие крамольные слова! — Зоя Сергеевна отложила веер и суеверно перекрестилась. — Это же надо: в этом году тринадцатое мая выпало на пятницу!

— И что с того? Мне нравится мое счастливое число рождения. И постоянно везет тринадцатого, как никому.

— Я рада за тебя. Хоть кому-то оно впору. Одного не пойму: почему ты совсем не уделяешь времени бизнесу? И что это за весьма частые и затратные поездки за границу?

— Хочу нормальной свободной жизни без всяких хлопот. Имею я право на отдых?

— Родной мой, отдых от чего — от безделья? Так оно утомляет больше любой работы. В первую очередь ты должен трудиться. Как это делал твой отец.

— И где он сейчас — отдыхает?

— Не смей так говорить об отце! — Зоя Сергеевна схватила веер и замахала перед носом, вспоминая мужа-трудоголика, честнейшего человека и безупречнейшего семьянина, скоропостижно почившего от внезапного сердечного приступа. И это при совершенно здоровом сердце. — Ты прекрасно знаешь, что его до инфаркта довели, обвинив бог знает в чем — в убийстве человека и краже пяти миллионов долларов! Да это же уму непостижимо!

— Извини, просто я очень устал. Бежишь куда-то, бежишь, не оглядываясь и стараясь обогнать других, а куда прибежишь — неизвестно. Да и чего ради — тоже непонятно: денег полно, так почему не тратить? Если всю жизнь работать — жить когда? К тому же сейчас кризис.

— А ты здесь при чем? Только бедным по карману думать, что жизнь — это то, что с ними происходит. Ты бизнесмен и должен твердо знать, что создаешь свою жизнь сам. К тому же в кризис умные люди сокращают расходы. А ты, словно поезд без тормозов, бешеными темпами мчишься к своей финансовой гибели — банкротству. После смерти твоего отца делами целый год занималась я. Так вот, даже у меня, женщины, это получалось лучше. Забыл, чему учил тебя отец? Ты должен быть выше любых проблем, а не создавать их себе на ровном месте. Ты должен не тратить деньги, а управлять ими.

— Почему я все время кому-то что-то должен? Почему я не могу просто жить? Для кого предназначены эти накопленные отцом деньги — для моих наследни-

ков, которых нет и в помине? Мне уже сорок! Неужели я не имею права делать то, что хочется мне? Я устал от тех обязательств, которые ты на меня взвалила. Я просто хочу жить, весело и беззаботно. Люди думают, что я так и живу, а ведь это только их фантазии. И вообще, я считаю, что денег, оставленных отцом, столько, что хватит и на мой век, и моим наследникам. А кому не хватит, пусть сами зарабатывают. Почему я должен думать о тех, кого и на свете-то еще нет? Да, кстати, Лиля после круиза станет моей женой.

— Но почему именно она?! — в сердцах воскликнула Зоя Сергеевна.

— Потому что за ней мне пришлось ухаживать дольше, чем за другими. Лиле едва исполнилось восемнадцать, а она уже знает себе цену. К тому же я у нее первый, поэтому верю ей безоговорочно.

— Ах вот даже как? Кто бы мог подумать, что невинность снова войдет в моду. Какой же ты наивный! Не зря говорят: простота — хуже воровства. Так вот, чтоб ты знал: в наше время доступной косметической медицины из любого клиента с деньгами сделают все, что он только ни пожелает — хоть девочку, хоть мальчика. А уговаривать Лилю пришлось лишь потому, что она или слишком хитра и ловка не по годам, или у твоей избранницы есть опытный наставник.

Зоя Сергеевна помолчала в ожидании возражений, но сын не проронил ни слова.

— Нет, это же надо: мой сын наконец решил жениться! Хотя ты прав: о семье пора задуматься. Но не с первой же встречной ее заводить?

— Просто Лиля тебе не нравится. Как не нравились и все остальные.

— Да, ты прав. Я этого и не скрываю. А чему тут нравиться-то, скажи на милость? Глазки хоть и дивной кра-

соты, но бегают, словно натворила чего и боится, что ее выведут на чистую воду. Кто у нее родители?

— Отец работает в какой-то фирме охранником, мать — там же, бухгалтером. Никаких проблем и вредных привычек. Обычные люди с небольшим достатком.

— Понятно: голь перекатная. Ты можешь без хлопот купить себе и совершенное тело, и красивое лицо, причем жениться для этого совсем необязательно. Богатым лучше держаться богатых и успешных. Жена должна быть твоей ровней. А если некто вознамерился попасть в высшее общество, то заслужи сначала — стань личностью, разбогатеи.

— Мама, твои взгляды на жизнь давно устарели.

— Дорогой, намекать на мой возраст не только бестактно, но и глупо. К тому же я мыслю так здраво, как не мешало бы тебе. Не стоит уподобляться нашим олигархам — я не имею в виду тех, из кого песок сыплется, — обожающим жениться на Золушках, которых находят чуть ли не под заборами. Умоют, причешут, нарядят и думают, что теперь облагодетельствовали их до конца жизни, поэтому Золушки должны их любить. Да они и будут любить. Но не олигархов, а их деньги. Нынешняя Золушка, мой друг, уже не та. Она зря времени не теряет и в облаках не витает, поэтому туфельками разбрасываться не станет. Наоборот, раскрутит Принца на целый обувной магазин. А вот заграничные олигархи женятся на своих, таких же богатых и успешных, как они сами. Потому и любят их не за деньги. Где ты с ней познакомился?

— Лиля — племянница Зинченко. Думаю, именно он подстроил нашу встречу.

— Десять лет этот ловкий пройдоха кормится возле нашей семьи: сначала был замом у твоего отца, потом у меня, теперь у тебя. Да, он умен и чрезвычайно полезен в нашем бизнесе, и твой отец ему всегда доверял. Поэто-

му Зинченко до сих пор с нами. Может, зря? И следовало с ним давно распрощаться? Не ожидала, что он найдет лазейку и осмелится подступиться к нашему бизнесу с помощью предполагаемого родства. Мне это не нравится.

«Если бы ты знала, как это не нравится мне!» — подумал Денис и тут же представил себе высокорослого крепкого зама, рядом с которым смотрелся как мальчишка.

Зинченко хоть и улыбался угодливо, но в глазах его сквозило неизменное превосходство, которое бесило Дениса. Вот на матушку заму так поглядывать не удавалось никогда. Рядом с ней он словно съеживался, даже зрительно становился ниже. И это Дениса всегда удивляло. Стоило ей лишь приподнять подбородок и взглянуть на любого собеседника из-под чуть опущенных век, как тот сломя голову бросался выполнять ее просьбу или стоял столбом, переминаясь с ноги на ногу, как провинившийся школяр, внимательно слушая, пока его отчитывают.

— Знающий слишком много может быть крайне опасным, тебе не кажется? Почему ты молчишь? Влюбился так сильно, что не видишь очевидного? Надеюсь, ты на нее не сильно потратился? Ведь бедной девушке чем больше даешь, тем значительнее становятся ее запросы. А к хорошему слишком быстро привыкаешь.

Зоя Сергеевна пригляделась к сыну, продолжительное молчание которого ей не понравилось. Она беспокойно заерзала в кресле, которое уже не казалось таким удобным и мягким.

— Дэни, ты меня пугаешь! Говори, как есть. Мне по силам выправить любую твою финансовую глупость или ошибку.

— Пойми, я не мог поступить иначе. Она была неприступна как крепость. В общем, я подумал и... оформил на нее завещание. Только тогда она поверила, что у меня с ней серьезно.

— И это вместо того, чтобы убедить девушку в необходимости заключения брачного контракта?! Ты в своем уме, скажи на милость? Интересно, чем ты думал? Хотя и так ясно.

— Должен же я был как-то уломать Лию? От машины она отказалась, от квартиры тоже. Вот и решил доказать свою любовь.

— Доказал? Поздравляю! Ты сам себя загнал в западню, из которой живыми не выбирают. Как же я вовремя приехала! А она очень умная девочка. Но додуматься до такого ей наверняка помог дядюшка. Иначе твоя Лия ухватилась бы и за машину, и за квартиру.

— Но я лишь... — попытался вставить хоть слово Денис.

— И слушать ничего не желаю! — перебила крайне возбужденная Зоя Сергеевна. — Просто невероятная с твоей стороны инфантильность и преступная халатность. Как по отношению к себе, так и касаясь состояния, с таким трудом нажитого твоим отцом. Запомни: ты не можешь доверять окончательно даже себе, не посоветовавшись со мной. И как это тебя только угораздило так безоглядно пойти на поводу у этой молоденькой профурсетки?

Глаза Зои Сергеевны округлились, а брови взмыли вверх в ожидании возражений, но сын лишь поморщился и промолчал, предоставляя матушке возможность высказаться до конца.

— А если с тобой в кризисе что случится? И вообще, разве можно писать завещание — это же дурная примета!

— Я в приметы не верю. Но ты зря принимаешь меня за сумасшедшего. В тот же день я аннулировал завещание на Лию и написал новое, на тебя. Как говорится: от греха подальше. Я всегда придерживаюсь одного простого правила: не давать девушке больше, чем она того стоит. Поэтому обмануть меня нелегко. Она должна очень поста-

ратся, чтобы заслужить мое доверие. Иначе усядется на шею и ножки свесит, а когда оберет до нитки, то и шею поменяет.

— Даже не знаю, радоваться мне или огорчаться подобному цинизму. И что теперь?

— Поживем — увидим. У нас впереди месяцы.

— Надоедите друг другу как горькие редьки за это время. Ну не нравятся мне твои шутки со смертью, вот и весь мой сказ. Тебе лучше признаться Лиле, что никакого завещания нет, иначе твое хваленое правило перестанет действовать. Так честнее: не будет искушения от тебя избавиться. Как у Лили, так и у возможного сообщника. Обещай: ты ей расскажешь правду незамедлительно!

— Обещаю. Но завтра. Не портить же мне из-за этого праздник.

— А как насчет бизнеса? Ты собираешься им заниматься? Или искать управляющего?

— Мне и в самом деле нужно отдохнуть.

— Кого ты предлагаешь?

— Только не Зинченко. Да и другие не лучше. Я сейчас не верю никому. Вчера предупредил Канина, начальника охраны, что заметил за собой слежку — несколько дней вижу мужчину, но толком его не разглядел. А еще кто-то постоянно звонит и пытается сообщить нечто важное при встрече, приходится даже отключать телефон. Так вот Канин лишь улыбнулся и обещал разобраться. Уверен: его обещания ничего не стоят и он палец о палец не ударил, чтобы прояснить ситуацию.

— Тебе и в самом деле лучше отойти от дел: сам ничего не делаешь и людей распустил дальше некуда. Теперь всем займусь я. И в первую очередь сменю охрану. Заодно подумаю, как тактичнее отказаться от услуг Зинченко.

— Ты на меня не сердисься?

— Я сама виновата, что не смогла приучить тебя к труду. Думала, еще не готов, вот время и упустила. Беда в том, что ты никогда ни в чем не нуждался, поэтому стимула добиваться чего бы то ни было у тебя никакого. Но, как говорится, что выросло, то выросло. И пока ты нас не разорил окончательно, лучше тебя от дел отстранить. Однако имей в виду: жить тебе придется отныне скромнее, так как даже для тебя я из бюджета не выйду. Если же вдруг понадобится больше денег — намного больше, — милости прошу обратно в бизнес, двери для тебя всегда открыты. Так что отдыхай пока, набирайся сил. И дай тебе Бог осознать, что без работы ты никто даже с большими деньгами, которые имеют свойство быстро заканчиваться.

— Как тебе твой очередной кавалер? — попытался Денис перевести разговор в другое русло. — Извини, но ты и сама никогда не скрывала, что они у тебя на содержании.

— Это мои маленькие удовольствия, которые я позволяю себе под старость. Заметь, я их не только заслужила, но и приложила в свое время достаточно усилий, чтобы сегодня радовать себя подобными экстравагантностями.

— Как вы познакомились?

— На выставке, в Ницце. Жан-Пьер Тома́ — очень модный и довольно известный в определенных кругах любителей искусства художник. Я даже купила несколько его картин, и только позже нас представили. Так что не торопись называть его альфонсом: он вполне зрелая личность, я лишь чуть-чуть помогаю ему прославиться.

— Разница более чем в двадцать лет тебя никогда не смущала.

— Дорогой мой, он тоже уже не мальчик. И не стоит думать, что Жан-Пьер со мной из-за денег, как думают некоторые. Просто у нас с ним есть кое-что общее, поэтому мы вместе. И пока это есть, я спокойна. Мне нравит-

ся чувствовать себя женщиной. Если же когда-нибудь он меня разочарует, мы расстанемся. Я слишком практична и уверена в себе, чтобы волноваться из-за своих увлечений больше, чем из-за финансовых счетов.

— Ты определенно умнее многих мужчин.

— Вот и я о том же. Жан-Пьер убежден, что я теперь жить без него не смогу, поэтому раз в неделю предлагает мне руку и сердце. И так уверен, что я соглашусь, что пытается даже потихоньку командовать мной, чтобы показать, кто в доме хозяин. Одного ему вряд ли уразуметь: самый дорогой и любимый мужчина в моей жизни — ты. Вам, сильным мира сего, этого не понять никогда. Как никогда не родить дитя.

— Ты считаешь чувство материнства сильнее чувства отцовства?

— Разумеется. Мать редко когда бросает своего ребенка, каким бы проблемным он ни оказался. А вот отцов-кукушек хоть отбавляй. Мало того что детьми заниматься не хотят, отказывают им в общении, так еще и от алиментов бегают, стервецы. Если Жан-Пьер узнает, что тебя я люблю больше всех на свете, умрет от ревности. Такой темпераментный и вспыльчивый, хоть огнетушитель с собой носи.

— Я тоже люблю тебя больше всех на свете. Скажи, он и в самом деле совсем ни бельмеса по-русски?

— Совсем, — вздохнула Зоя Сергеевна и тут же спохватилась: — Дэни, как ты выражаешься!

— Извини за мой несовершенный французский.

— Зря ты до сих пор не выяснил, что за мужчина тебя преследует. Подобное оставлять без внимания нельзя ни в коем случае. Завтра же утром займусь этой проблемой. Тем более что ты уезжаешь. Надеюсь, он за тобой не увяжется?

— О кризисе даже в фирме никто не знает, сама их оповестишь.